

Когда-то по-хорошему знаменитое кафе Дома кино. Неуютные пустые столики, полупьяные персонажи членов Союза кинематографистов, за стойкой бара - блинчики с мясом, дорогой кофе. Никчемная, будто ни для кого, музыка. Садимся за первый попавшийся столик. Снова включаюсь. Затрещивает ее мобильник: "Извините, не могу не ответить: Да, мамочка, все в порядке. У вас тоже. До встречи". - Я должна знать, что с моими"...

О прошлом она говорить не любит. О будущем нельзя.

- Давайте о настоящем. Маленького роста. Жесткая деловая хватка. Скупые короткие фразы. В руках - мобильник. Эмансипе.

- Да, есть люди, которые живут прошлым. Но это не для меня. Не могу сказать, что пережитое забыто навсегда. Это не так: доброе, интересное не забывается.

- А в том, что завтра будет все о'кэй, вы уверены?

- Что вы, в нашей стране такой ответ звучал бы смешно. Ни актер, ни кто-либо другой профес-

настроение поминутно скачет. И я по себе знаю, где я недобираю. И внутренними усилиями, напряжением воли стараюсь всколыхнуть в этот спектакль.

- "Зрители, черт бы их побрал. Лишь бы им угодить". Это ваши слова из второй серии "Зала ожидания", который сейчас смотрят сотни тысяч телезрителей. Кстати, глядя со стороны на эту вашу большую актерскую работу, вы при вашей, в хорошем смысле, привередливости и самокритичности, как оцениваете себя?

- Нормально. Приятно было работать с Ульяновым, Тихоновым, Боярским, Усатовой. Моя роль мне была весьма интересна своей эмоциональной нагрузкой.

- Вера Витальевна, в вашей биографии есть любопытный факт - когда-то вы были мастером спорта по стрельбе из лука. Что и говорить, метаморфоза с вами произошла экзотическая: из amazонок - в актрисы, в режиссеры. Понимаю, что на соревнованиях вы частенько попадали в "десятку". А были ли "десятки" в личной жизни?

- Да, я человек книжный. Особенно полюбила мемуары. Мне безумно нравится Нина Берберова, безумно.

- Приятно, Вера Витальевна, слушать. В "Курсиве моем", главной ее книге, - два моих интервью с Ниной Николаевной: одно - в Америке, другое - в Москве. Так вышло, что я содействовал ее приезду в Советский Союз спустя 70 лет после отъезда.

- Неужели! Как я рада. У нас есть о чем поговорить.

- К сожалению, Берберова умерла несколько лет назад в Штатах, в глубочайшей старости. Но одинокой она не была. Ее уважали, любили, ценили. Из жизни она ушла, будучи почетно-пожизненным профессором Принстонского университета.

- Как мне хотелось с ней познакомиться. Это любимый мой человек. Ее роман "Чайковский" превосходен, тактичен, тонок. Роман "Мы с бурь" я читала порциями, оттягивая удовольствие. Мне страшно нравится ее язык, ее стиль. Мне вообще близко то время, Серебряный век.

- Но ведь вы не любите говорить о прошлом.

- Не так, мое личное прошлое - это одно, а наша история, мое любимое начало XX века - другое. Какая была культура, какие были люди. Как можно не любить то время, не интересоваться им! Считаю, что тот период самый интересный и самый плодотворный в истории России.

- Вера Витальевна, а ведь вы чем-то схожи с Ниной Николаевной: внешней фактурой, интересом к жизни, не обижайтесь, даже в меру желчным характером.

- Вы даже не знаете, как мне по душе, что вы сказали. Для меня это просто честь.

- Вы, хоть как мне видится, рациональная личность, но и эмоциональная одновременно. Скажите, что вас больше всего в последнее время потрясло в нашем театре и вокруг него?

- Ну прежде всего - последние работы Фаины Раневской, великой актрисы. Откровением был Эфрос. Впечатлительны были "Три сестры" Пилтера Штайна. Очень хорошо работает в Театре сатиры приглашенная Елена Яковлева.

- Самоубийство Елены Майоровой - горькая рана для многих людей...

- Ну еще неизвестно, самоубийство ли это. Конечно, оно меня потрясло. Мы были знакомы. Накануне общались в Сочи на "Кинотавре". Она была такая счастливая, веселая и красивая. Удачливая. Как-то все у нее шло хорошо. Снялась в картине, представленной на фестивале, о ней хорошо говорили, писали. И вдруг! Трагедия меня потрясла.

- Извините, а в вашей жизни были ли моменты, секунды тяжелых сомнений, когда хотелось всех послать подальше?

- Было - не было, не хочу об этом говорить. Это не для массового осуждения. Конечно, не все в жизни удачно, не все безоблачно. Сколько сложностей, связанных с творчеством. Ведь жизнь - нелегкая штука. Вы согласны?

- Временами да, кажется, что лучше бы не жить вовсе. Но надо! Даже не для себя, а для кого-то. Но как же все-таки переживаете, скажем, не доставшуюся вам какую-либо заманчивую роль?

- Ну что вы, это не моя история. Найду массу других вариантов. Да, любая роль расценивается как подарок судьбы. А если этого подарка нет, так что же убиваться?! Когда-то Эфрос предложил мне роль Джульетты. Согласитесь, подарок! Но не вышло по ряду обстоятельств. Потом он предложил мне роль Офелии (мечта многих). Но снова сорвалось, и я не рвала на себе волосы. И поняла: любая роль не стоит того, чтобы убиваться. Не стоит.

- Да, на сверхрешительный поступок в духе разыгрываемой вами "Русской рулетки" вы не пойдете никогда, а не обстоитесь под ними. Вы по-прежнему хотите попасть в "десятку"?

- Вы знаете, какая необычная концовка в этой пьесе. И она мне очень импонирует. Глядя на мою игру, пессимист скажет: она умерла, а оптимист решит, что я осталась жива. Но самое странное, я сама не могу понять, умираю я или нет.

Феликс Медведев

Русская рулетка Веры Глаголевой

сии не знает, как он будет выживать завтра. Здесь многое зависит от характера.

- Все в порядке? А в делах?

- Случаются срывы, не зависящие от меня. И я все больше понимаю, что от меня все меньше зависит. К примеру, когда-то как режиссер я сделала фильм "Сломанный свет", но о нем мало кто слышал. Проката не вышло. У хорошей, как считают, ленты, не получилось судьбы, потому что владелец неправильно себя повел. Подставился и подставил группу людей.

- Вы причастны ко многим фильмам, какой из них, по-вашему, самый претенциозный?

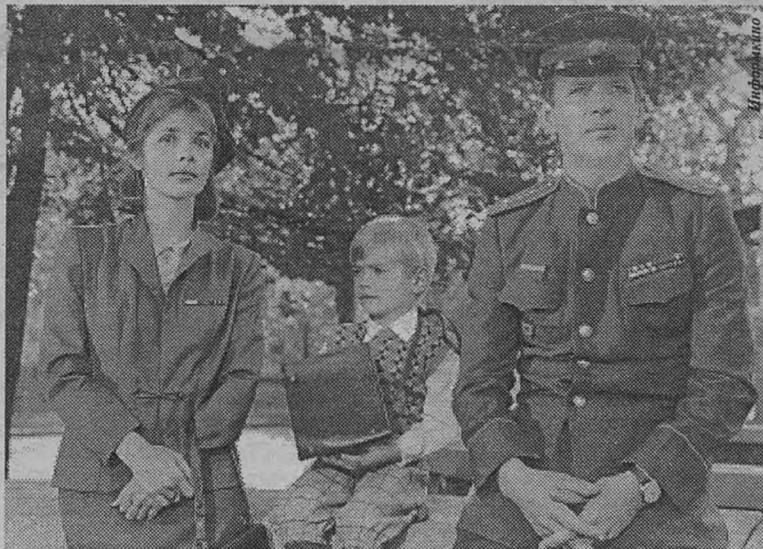
- Не люблю этого слова - претензия. Для меня оно значит отрицание. Претензия - это вызов. Но у меня нет таких работ. "Торпедоносцы" - это вызов? Нет. Это абсолютное искусство. А Эфрос - разве претензия? Тоже нет. А ведь я с ним начинала, он мой учитель. Вообще, оглядываясь, могу сказать, что явных провалов у меня не было.

- Помните, у Андрея Вознесенского "Монолог актрисы": "Провала хочу, провала"?

- Ну провала не хочется. Да и в большом серьезном понимании провала сейчас быть не может. Для меня есть такой показатель: а судьи кто? Кто оценивает мою работу? Если человек хотя и разбирающийся в искусстве, но судящий по конъюнктурным соображениям, - его оценка не провал, а совсем наоборот - успех. Не могу не оглянуться на раздразнившие меня оценки прессы прекрасного, на мой взгляд, спектакля Тани Догилевой, тонкого, легкого, веселого, с хорошими актерами, и "Горе от ума", сделанного Олегом Меньшиковым, серьезного добротного спектакля. Конъюнктурные оценки этих вещей фиксировали не провал, а наоборот - успех. Время нынче таково, что журналист может обратиться на себя внимание, раздражив любую работу. Но это же неприлично.

- Выходит, единственная для себя судья - это вы сами?

- Вы знаете, почти да. И, конечно же, мне важно, что скажут друзья, которым я верю. Важна оценка Михаила Андреевича Глузского, Владимира Михайловича Зельдина. Ведь в театре не обманешь. Если ты не владеешь профессией, ты не прокочишь. Сейчас с Игорем Бочковым мы играем "Русскую рулетку". Почти два часа на сцене. Нелегко. Вещь эмоциональная,

Кадр из фильма "Сошедшие с небес"

- (Искренне-удовлетворенная улыбка.) Каждый мой ребенок - попадание в "десятку". Очаровательные девочки - сейчас они уже взрослые. Каждая из них - "десятка".

Ну а в творческом плане этапными удачами были работы с Анатолием Васильевичем Эфросом, а позднее с Леонидом Трушкиным. И тот и другой мне многое дали в жизни. Выскажу довольно смелое наблюдение: все, что было связан с Эфросом, образуют некое братство. Мне общаться с ними - счастье, радость. Эти люди не жлобы. Хотя жлобство вокруг одолевает. Эфрос был ранимым, незащищенным, но всегда при этом оставался человеком.

- В свое время ходило по Москве много слухов о его благосклонном отношении к молодой актрисе Ольге Яковлевой. Вы были тогда совсем юной и, наверное, не заметили тех слухов?

- Вы правы, не заметила. Да и судить их я не имею права. Я вообще не терплю обсуждать чужие жизни. Знаю одно: в каком уж там - творческом или любовном - тандеме, но только вместе два талантливых человека создали те спектакли, на которые бегала смотреть вся Москва.

- Чувствуя раздраженное ваше отношение к "личной теме", все-таки не могу не спросить: как поживает Родион Нахапетов, видите ли?

- Да, недавно. Он бывает в Москве и, естественно, общается со мной, с

детьми. А Маша вообще живет в Америке, учится там и, конечно же, постоянно видится с отцом.

- Можно сказать, что боль сошла на нет?

- А что делать - у нас общие дочки. Конечно, у Родиона своя жизнь, у меня - своя. Но творческие дела Нахапетова вроде бы не совсем хороши. В Москве он видел мои спектакли и, к моей радости, достойно оценил их. А мне это важно.

"Вера Глаголева не просто моя бывшая жена. Это человек, за судьбу которого я в какой-то степени несу ответственность. Я привел ее в кино, показал людям ее талант. Я, конечно же, помню о Vere, она мать моих детей, которых я очень люблю, мы встречаемся, узнаем что-то друг о друге. Но злобы и ненависти нет. Есть боль. Раны постепенно затягиваются. Она построила свою жизнь, и я там нашел близкого человека".

(Из интервью Родиона Нахапетова, лето 1993 года.)

- И все-таки, к сожалению, талантливый художник Родион Нахапетов живет не в России. Что тут судить-рядить, он во многом потерянный для российского зрителя, а новые поколения о нем и не слышали. Если бы он один! Многие исчезли, испарились, сгнили. Елена Соловей, Лариса Мондрус, Олег Видов. Дай Бог, чтобы "там" у них был свой зритель. Обидно и другое - скажем, на днях по телевидению в который

раз показали "Агонию", фильм о Распулине, о судьбе России. А спроси нынче едва ли не любого, и мало кто назовет имя Элема Климова, автора интереснейшей ленты, о которой в свое время только и говорили. Как вы реагируете на такие вещи?

- Мне судить трудно. С Климовым я не работала. Судьба у него непростая. Но, полагаю, что в какой-то мере он расплачивается за тот самый скандально-знаменитый перестроечный, организованный им съезд кинематографистов, на котором было несправедливо перечеркнуто многое, сделанное раньше. Я даже и Климова-то здесь особо не осуждаю, понимая, что такая была тенденция государства. Конечно, те же Кулиджанов и Бондарчук - люди достойные, много сделавшие для нашего искусства, и расправляться с ними было несправедливо, постыдно. Многие не выдержали.

- Вы рано начали работать в кино и поэтому вовремя застали советские времена. Еще в 87-м году за роль журналистки в фильме "Выйти замуж за капитана" вас наградили титулом "Лучшая актриса года". Скажите, хоть малость не стала ли вы горды по молодости, по прошлым успехам, по тому времени?

- Мы же договорились, о прошлом не будем. Да, было время, когда жить было легче, когда было много работы. Нынче жизнь иная, но жить надо, а страдать и думать о том, как же было хорошо, это не мое. Зато нынче другие возможности - не в одном деле, так в другом, если ты ищешь, то найдешь себя наверняка.

- Тем более такие, как вы, ведь ваша манера поведения не выжидательная, а наступательная.

- В общем, да. Когда образовалась пауза в делах, я выбрала подходящую пьесу, нашла актеров, стала репетировать, и за три месяца поставили "Русскую рулетку". Все время вспоминаю Эфроса, который говорил: больше работай, из ста попыток одна-две станут удачей. Но я, правда, заметила, что удача приходит все-таки чаще.

- Русская рулетка, как вы знаете, самая рискованная или - или, фифти - фифти. Как Маяковский, заложил в ствол всего одну пулю. И... не промахнулся. Давно ни у кого не спрашивал, что нынче читают. Кажется, прошло время самого передового в мире читателя. Вы-то как по части образованности, повышения интеллекта? Остается время на книги, при вашей-то семейно-киношно-театрально-режиссерской занятости?